

ПУТЬ В ПЕДАГОГИКУ: СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

THE WAY TO PEDAGOGICS: SUBJECTIVE PREMISES OF RUSSIAN SCIENCE DEVELOPMENT

Булкин А.П.

Профессор кафедры социогуманитарных дисциплин Московского института открытого образования, доктор педагогических наук
E-mail: bulkinap@yandex.ru

Bulkin A.P.

Professor of the chair of socio-humanitarian subjects of MIOE, PhD in Pedagogics
E-mail: bulkinap@yandex.ru

Кукушкина И.Ю.

Доцент Международного института менеджмента ЛИНК, кандидат педагогических наук
E-mail: english@ou-link.ru

Kukushkina I.Y.

Associate Professor at the International Institute of Management LINK, Candidate of science (Education)
E-mail: english@ou-link.ru

Аннотация. В статье исследуются некоторые аспекты предыстории формирования отечественной педагогики, рассматриваются переломные этапы жизни и деятельности К.Д. Ушинского, анализируются причины, побудившие преподавателя-юриста серьезно заняться педагогикой как наукой и стать основоположником отечественной педагогики.

Annotation. The article explores the premises that led to the formation of Russian pedagogics. It reviews the crucial stages of K..D. Ushinsky's life and professional activity and analyses the reasons which motivated a teacher and lawyer to study pedagogics as a science and to become the founder of Russian pedagogics.

Ключевые слова: культура, образование, гимназия, университет, английский язык, педагогика, педагогическая антропология.

Keywords: culture, education, gymnasium, university, English language, pedagogics, pedagogical anthropology.

Предлагаемая статья содержит попытку осветить некоторые относительно мало известные отечественному читателю аспекты деятельности К.Д. Ушинского.

Человек с достаточно интересной, хотя и не очень длинной биографией Константин Дмитриевич Ушинский (1824–1870) начал основное дело своей жизни следующими словами: *«Я решил посвятить себя с этого дня исключительно педагогическим вопросам»*.

Проследим переломные моменты жизненного пути великого отечественного педагога от преподавателя-юриста к признанному ученому-педагогу.

Как известно, Константин Дмитриевич Ушинский прожил неполных 47 лет. Утрата любимого сына, погибшего на охоте, ускорила его уход из жизни. Константин Дмитриевич тяжело переживал трагедию, простудился на похоронах, заболел воспалением легких и через несколько дней скончался. По его воле, был погребен в ограде Выдубицкого монастыря близ Киева. До нашего времени сохранился памятник с надписью: *«Константин Дмитриевич Ушинский – автор “Детского мира”, “Родного слова” и “Педагогической антропологии”. Умер на 47-м году жизни»*.

К указанным в эпитафии трудам необходимо добавить программную статью *«О народности в общественном воспитании»*, которая оказала огромное влияние на современников и не теряет актуальности и сегодня.

Высшей наградой в области образования РФ «Заслуги в области образования» является Медаль имени К.Д. Ушинского. На ней указаны другие годы его жизни и смерти: *«1824–1871»*. Эта неточность связана с распространением на XIX в. календаря, введенного в России в XX в. после Октябрьской революции (смерть К.Д. Ушинского наступила в 2 часа ночи с 21 на 22 декабря 1870 г., что соответствует дате 3 января 1871 г. по новому стилю).

За время работы К.Д. Ушинского в Гатчинском сиротском институте (1855–1856) произошло три события, которые предопределили превращение преподавателя камеральных наук в ученого-педагога. Сначала преподаватель камеральных наук в библиотеке Гатчинского института обнаружил и увлеченно прочел подборки книг по философии и педагогике, затем в июле 1856 г. познакомился с революционной для своего времени статьей Н.И. Пирогова «Вопросы жизни» и чуть позже получил заказ на перевод с английского языка двух статей, касавшихся образования, от журнала «Библиотека для чтения».

К.Д. Ушинский окончил юридический факультет Московского университета и в возрасте 22 лет был приглашен в ярославский Демидовский лицей (один из шести элитных учебных заведений) на кафедру энциклопедии законоведения.

В 1850 г. он покинул лицей, переехал в Петербург, поступил в департамент иностранных исповеданий Министерства внутренних дел чиновником с окладом в 400 руб. в год (равно жалованию Акакия Акакиевича Башмачкина из «Шинели» Н.В. Гоголя). Для подработки стал писать статьи критического и географического содержания для журналов «Современник» и «Библиотека для чтения». Одновременно усердно изучал английский язык (не самый распространенный язык в то время), чтобы иметь возможность зарабатывать переводами.

Напомним, что с Петра I начинается утверждение в России иностранных языков: сначала немецкого, затем французского. За короткий период после смерти Петра Великого, в «эпоху дворцовых переворотов» (1725–1762) немецкий язык дважды уступал французскому статус придворного языка.

Немецкий язык господствовал при Екатерине I, Петре II, Анне Иоанновне. С приходом на трон Елизаветы Петровны придворным языком стал французский язык. Дочь Петра I Елизавета сама знала его в совершенстве и с детства была ориентирована на французскую культуру. Окончательный приоритет французский язык получил при Екатерине II.

Распространение языков шло от императорской семьи через придворное окружение и высшую аристократию, далее следовал государственный аппарат, и окончательное укоренение языка происходило в благородном сословии, для которого он (иностранный язык) выступал своеобразным сословным паролем.

Значение французского языка как некоего социального пароля ясно чувствовал происходивший из крепостных писатель-цензор А.В. Никитенко: «...знание французского языка служит как бы пропускным листом для входа в гостиную “хорошего тона”. Он часто решает о вас мнение целого общества» [1, с. 11].

Проникновение иностранных языков в дворянский быт и культуру отрицательно сказывалось на отношении к русскому языку, в первую очередь к русскому литературному языку. Можно предположить, что русская литература больше потеряла, чем приобрела от того, что немецкий и французский языки были языками бытового и письменного общения в дворянской среде. Русское дворянство, занимавшееся эпистолярным жанром, разучилось говорить и писать по-русски.

Так, представитель образованного класса Московской Руси, глава «темных раскольников» (по выражению академика Д.К. Платонова), «слепых ревнителей старины», протопоп Аввакум (1609–1681) писал на языке, понятном нам, его потомкам. Вот образец его стиля: «В карету сядет, растопырется, как пузырь на воде, сидя в карете на подушки, расчесав волосы что девка, да едет, выставя рожу на площади, чтоб церницы-ворухиниянки любили» [Цит. по: 2, с. 339].

Столетие спустя представитель высшей аристократии, один из столпов русской литературы конца XVIII в. А.Н. Радищев писал на таком языке: «Не все рожденные в Отечестве достойны величественного наименования сына Отечества (патриота). Под игом рабства находящиеся недостойны украшаться сим именем. Поудержись, чувствительное сердце, не произнося суда твоего на таковые изречения, доколе стоиши при враге. Вступи и виждь!» [Цит. по: 3, с. 378].

Можно привести аналогичные примеры и из входящей в школьную программу книги А.Н. Радищева, «Путешествие из Петербурга в Москву», написанной по-французски и переведенной автором на тот русский язык, которым владел он сам.

Хрестоматийные примеры распространения русского и французского языков в среде дворянства XIX в. содержит «энциклопедия русской жизни» – роман «Евгений Онегин» А.С. Пушкина. Так, в главе третьей, строфы XXVI–XXVII читаем:

XXVI

*Еще предвижу затрудненья:
Родной земли спасая честь,
Я должен буду, без сомненья,
Письмо Татьяны перевести.
Она по-русски плохо знала,*

*Журналов наших не читала,
И выражалась с трудом
На языке своем родном,
Итак, писала по-французски...
Что делать! повторяю вновь:
Доныне дамская любовь
Не изъяснялась по-русски,
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык.*

XXVII

*Я знаю: дам хотят заставить
Читать по-русски. Право, страх!
Могут ли их себе представить
С «Благонамеренным» в руках!
Я шлюсь на вас, мои поэты;
Не правда ль: милые предметы,
Которым, за свои грехи,
Писали втайне вы стихи,
Которым сердце посвящали,
Не все ли, русским языком
Владея слабо и с трудом,
Его так мило искажали,
И в их устах язык чужой
Не обратился ли в родной?*

Французский и немецкий языки входили в программы российских классических гимназий. Вот что гласит «Устав учебных заведений, подведомственных университетам» (1804): «В I классе обучают читать, писать и начальным основаниям грамматики сих языков. Во II, продолжая грамматические правила, занимают учащихся переводами с немецкого и французского языков на природный. В III изъясняют прозаических писателей и занимают переводами с природного на немецкий и французский языки. В IV классе изъясняют немецких и французских стихотворцев и заставляют на сих языках сочинять. Лучшие места из французских и немецких прозаических писателей и стихотворцев также должно выучить наизусть» [4, с. 214]. По Уставу 1828 г. на изучение латыни и древней словесности отводилось 39 часов, новых иностранных языков – 45 часов.

Английский же язык не входил в программы учебных заведений Министерства народного просвещения. С 1828 г. в гимназии Архангельска впервые в государственной системе образования России было введено обучение английскому языку: «В Архангельской гимназии введен курс английского языка, на содержание преподавателя которого отпускает средства городское общество» [5, с. 134]. Факультативно английский язык изучался в классической гимназии имени И. и А. Медведниковых в Москве (открылась в 1901 г.).

Отметим, что преподавание английского языка осуществлялось в учебных заведениях других ведомств (Военного министерства, Министерства путей сообщения, Министерства иностранных дел и др.) и в частных учебных заведениях. В целом же положение английского языка в культуре и в образовании России было особым. Его знание считалось необязательным и свидетельствовало об уровне образования выше среднего.

О степени распространенности английского языка в русском обществе XVIII–XIX вв. свидетельствует следующее. Как известно, Байрон имел громадное влияние на русское общество пушкинской поры, но стихи его знали во французский переводах. Обществу хотелось знать стихи в оригинальных переводах лучших своих поэтов, в первую очередь в переводах А.С. Пушкина. И друзья поэта обращались к нему. Так, в 1819 г. П.А. Вяземский интересовался, «*читает ли “племянник” (т.е. Пушкин) по-английски. “Кто в России читает по-английски и пишет по-русски? – восклицает он. – Давайте мне его сюда! Я за каждый стих Байрона заплачу ему жизнью своею”*» [6, с. 103].

Русская классическая литература изобилует примерами, иллюстрирующими малую распространенность в просвещенной среде английского языка. Приведу один из них. В рассказе «Супруга» (1895 г.) А.П. Чехов обыгрывает инцидент с запиской на «*каком-то иностранном, по-видимому, английском языке*», которую доктор, владеющий французским и латинским языками, пытается прочесть при помощи словаря.

Возвращаемся к нашей теме. После увольнения из Демидовского лицея К.Д. Ушинский начал самостоятельно изучать английский язык, который сыграл решающую роль в его обращении к педагогике.

В 1855 г. Ушинский поступил преподавателем в Гатчинский сиротский институт, где вскоре стал инспектором (соответствует должности завуча в современной школе – А. Б.). Здесь он обнаруживает два книжных шкафа с философской и педагогической литературой. Это было знаменательное событие, которое содействовало педагогическому самообразованию Ушинского и способствовало определению его педагогического призвания. Обратимся к словам самого Ушинского: «*Помню, как поступив на службу в одно учебное заведение и осматривая его библиотеку, довольно многотомную, нашел я целый шкаф с медицинскими книгами, хотя в этом заведении никогда не учили медицине. Их пожертвовал один купец, которому они достались по наследству.*

Наконец, смотрю, стоят два шкафа, запыленные, почернелые, запечатанные. Видно по всему, что их лет 20 не отпирали. Прошу отворить и нахожу очень полное собрание педагогических книг. Это было в первый раз, что я видел собрание педагогических книг в русском учебном заведении. Этим двум шкафам я обязан в жизни очень, очень многим и, боже мой! от скольких бы грубых ошибок был бы избавлен я, если бы познакомился с этими двумя шкафами прежде, чем поступил на педагогическое поприще!

Человек, заведший эту библиотеку, был необыкновенным у нас человеком. Это едва ли не первый наш педагог, который взглянул серьезно на дело воспитания и увлекся им. Но горько же и поплатился он за это увлечение. Покровительствуемый счастливыми обстоятельствами, он мог несколько лет приводить свои идеи в исполнение: но вдруг обстоятельства изменились – и бедняк-мечтатель окончил свою жизнь в сумасшедшем доме, бредя детьми,

школой, педагогическими идеями. Не даром же после него закрыли и запечатали его опасное наследство. Разбирая эти книги, исписанные по краям одною и тою же мертвой рукою, я думал, лучше было бы, если бы он жил в настоящее время, когда уже научились лучше ценить педагогов и педагогические идеи» [7, с. 421–422].

Знакомство с педагогической литературой стало первым шагом К.Д. Ушинского на пути к восприятию педагогики как науки. Следующие шаги были сделаны в 1856 г., и связаны они с именем Н.И. Пирогова и английским языком. Обратимся к воспоминаниям Д.Д. Семенова, работавшего с Ушинским в Смольном институте:

«В 1856 году появляются в печати знаменитые “Вопросы жизни” Н.И. Пирогова, которые пошатнули все наши прежние понятия о воспитании. Со слов Пирогова все заговорили, что надо перевоспитать самих себя, воспитать, прежде всего, в каждом юноше, будь то мужчина или женщина, идею “быть человеком”, а потом уже предоставить готовиться к той или другой профессиональной деятельности.

“Вопросы жизни” и были первой педагогической школой для К.Д. Ушинского. Потом как-то Старчевский, редактор “Библиотеки для чтения”, в которой Ушинский продолжал сотрудничать, нашел в нескольких номерах английского журнала *Athenaeum* интересную статью об образовании и воспитании, и тотчас же послал его Ушинскому в Гатчину, прося поскорее перевести статью для русского журнала. Спустя несколько дней является к нему Ушинский в каком-то необыкновенном экстазе и первыми его словами были: “Ах, Альберт Викентьевич, что вы со мной сделали! Зачем прислали ко мне статью об американском воспитании! Вращаясь постепенно в училищном кругозоре, ознакомившись поближе с детьми, которых надо развивать, учить и воспитывать, я, по прочтении *Athenaeum*, не мог спать несколько ночей. Статьи произвели страшный переворот в моей голове, в моих понятиях, в моих убеждениях. Они подняли в моем уме целый рой вопросов по воспитанию и образованию, навели меня на многие совершенно новые мысли, которые без этих статей, пожалуй, никогда не пришли бы мне в голову. Я не знаю, что я сделаю, но я решил посвятить себя с этого дня исключительно педагогическим вопросам”. И действительно, с этого времени (1856) педагогические идеи так овладели всею душою Ушинского, что он стал писать статьи исключительно педагогического характера» [8, с. 75].

Современная К.Д. Ушинскому педагогика находилась, как это отмечал он сам, в зачаточном состоянии. Приступая к теоретической разработке педагогических проблем, К.Д. Ушинский увидел, что педагогическая литература в России была крайне бедна и бессодержательна: «...две-три слабые попытки педагогических курсов, мало кому известные, ни одного сколько-нибудь замечательного сочинения, не только оригинального, но даже переводного, десятка два педагогических статей, из которых большая часть принадлежит к числу речей, сказанных *ex officio*, ни одного педагогического журнала» [7, с. 233].

Сфера образования и педагогическая мысль Российской империи с XVIII в. ориентировались не только на опыт стран Европы (Англии, Франции, Австрии, Германии), их философию и педагогику, но и на их культуру. Но, к сожалению, не столько ориентировались, сколько копировали. Происходило некритическое заимствование, безоговорочное перенесение социального и культурного, в том числе и бытового, опыта европейских стран в учебные заведения и образовательную систему России в целом.

Масштабы такого заимствования в 60-х гг. позапрошлого века охарактеризовал П.Ф. Каптерев: «Каждый русский педагог тащил от немца все, что ему нравилось. Заимствовались не только частные приемы и методы преподавания, заимствовались не только общие руководящие идеи и целые педагогические мирозерцания, заимствовались даже люди, выполнители начал немецкой педагогики. Министерство просвещения при министре Д.А. Толстом выписывало немцев и чехов в учителя русских гимназий и даже в инспектора и директора, хотя эти иностранцы и не умели говорить по-русски; у немцев была открыта русская семинария для подготовки учителей в русские средние учебные заведения; разные планы, программы и системы, предполагавшиеся к введению в русские школы, были посылаемы на просмотр и одобрения заграничных ученых и педагогов. Дальше такого рабства перед заграничной идеей было невозможно, очевидно, должна была наступить реакция» [цит. по: 9, с. 494–495].

Русские университеты, гимназии и уездные училища, лицеи, специализированные институты по подготовке преподавателей (учительские и педагогические), входившие в состав Министерства народного просвещения, учебные заведения министерств военного, государственных имуществ, путей сообщения, земледелия, горного дела и других ведомств не имели учебников по педагогике, которые отражали бы национальную культуру. Единственным отечественным учебником педагогики до середины 1830-х гг. был учебник А.Г. Ободовского «Руководство к педагогике, или науки воспитания, составленное по Нимейеру Александром Ободовским, инспектором классов императорского Санкт-Петербургского воспитательного дома» (1835). Как явствует из названия, и этот единственный учебник был составлен по книге немецкого педагога А.Н. Нимейера (1754–1828) «Воспитание и обучение» переведенной на русский язык.

В такой обстановке в 1857 г. Ушинский выступил в печати с педагогическими статьями, и обратился к главной проблеме – культуросообразности образования, роли национальной культуры в воспитании (статья «О народности в общественном воспитании»).

При оценке педагогической системы Ушинского классики отечественной педагогики (П.Ф. Каптерев, С.И. Гессен, В.В. Розанов, Л.Н. Толстой и др.), прежде всего, выделяют введенный ученым принцип народности воспитания. Даже теория педагогической антропологии отодвигается на второй план, что отражено в каптеревской «Истории русской педагогики»: в главе о К.Д. Ушинском его «Педагогическая антропология» не упоминается.

К.Д. Ушинский не только теоретически обосновал необходимость переориентации содержания отечественного образования на национальную культуру, но и осуществил эту переориентацию в учебнике русского языка и книге для чтения для младших классов, по которым учились все последующие поколения русских детей. Эти книги Ушинского были в каждой, в том числе самой отдаленной сельской школе. Поражает количество переизданий: «Родное Слово» за 50 лет (с 1864 по 1913 г.) издавалось 146 раз, «Детский Мир» за период 1861–1913 гг. издавался 64 раза. Смело можно утверждать, что несколько поколений российских мальчишек и девчонок учились родному языку по Ушинскому. И не есть ли это самый большой вклад в отечественное образование!?

Отметим также: то, что сегодня считается естественным (обучение в рамках отечественной культуры), в ту пору было противоестественным, даже диким. Здесь можно при-

вести примеры неприятия родителями и учителями самого тезиса и практики ориентации учебного материала на русскую культуру, введения ее реалий в тексты. Так, в 1915 г. (то есть через 50 лет после выхода в свет «Родного слова») П.Ф. Каптерев писал, что его «*все еще читают в народных школах, хотя на первых порах родители и жаловались, что их детей в школах учат побасенкам про козлика, про деду с репкой и т.п. Но эти побасенки, сказочки, стишки и статейки были родными русскому дитяти, в них говорилось про русскую природу, про русскую жизнь, в них Русью пахло*» [10, с. 576].

Завершая рассмотрение деятельности К.Д. Ушинского, заметим следующее: он не только основал отечественную педагогику, но и создал новое направление педагогической мысли – педагогическую антропологию. «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» (том 1) до 1916 г. издавался 16 раз. В одной из рецензий на этот труд К.Д. Ушинского, опубликованной в газете «Голос» (1868, № 296), подчеркивалось: «...эта наука была как бы введением в педагогию, другими словами, опыт педагогической антропологии, какой является книга Ушинского, есть положительно первый опыт не только в нашей отечественной, но и во всей европейской литературе» [цит. по 11].

Подведем итоги. Как показывает приведенный в настоящей статье материал, некоторые аспекты деятельности К.Д. Ушинского вплоть до сегодняшнего дня не получила однозначной оценки. Думается, что идеям ученого требуется уделять гораздо больше внимания в научной и учебной литературе по истории педагогики, чем это имеет место в настоящее время.

Список литературы:

1. Никитенко, А. В. Дневник : в 3 т. Т. I / А. В. Никитенко. – М., 1955.
2. Сатира XI–XVII веков / [сост., вст. ст. и коммент. В. К. Былинина, В. А. Грихина]. – М.: Сов. Россия, 1987. – (Сокровища древнерусской литературы).
3. Антология педагогической мысли России XVIII в. / сост. И. А. Соловков ; АПН СССР. – М.: Педагогика, 1985. – 480 с.
4. Хрестоматия по истории педагогики : в 4 т. / под общ. ред. С. А. Каменева. – М.: Учпедгиз, 1936. Т. 4: История русской педагогики с древнейших времен до Великой пролетарской революции. Ч. I. / сост. Н. А. Желваков. – М.: Учпедгиз, 1936. – 525 с.
5. Медынский, Е. Н. История русской педагогики / Е. Н. Медынский. – М., 1936.
6. Пушкин в мировой литературе : сб. ст. / Научно-исследоват. ин-т сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока при Ленинградском государственном университете. – Л.: Государственное издательство, 1926 // Электронная библиотека ИРЛИ РАН. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru>.
7. Ушинский, К. Д. Избранные педагогические сочинения / К. Д. Ушинский. – М.: Просвещение, 1968.
8. Семенов, Д. Д. Избранные педагогические сочинения / Д. Д. Семенов. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1953.
9. Демков, М. И. История русской педагогики. Ч. III. Новая русская педагогика (XIX век) / М. И. Демков. – М., 1909.

10. Каптерев, П. Ф. История русской педагогики / Каптерев. – М., 1915.
 11. Опыт антропологии в науке о воспитании // Клуб «Точка отрыва» : сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.otryvclub.ru/sys/opyt_antropologii_v_nauke_o_vospitanii.html.
-

Spisok literatury:

1. Nikitenko, A. V. Dnevnik : v 3 t. T. I / A. V. Nikitenko. – М., 1955.
2. Satira XI-XVII vekov / [sost., vst. st. i komment. V. K. Bylinina, V. A. Grikhina]. – М.: Sov. Rossiia, 1987. – (Sokrovishcha drevnerusskoï literatury).
3. Antologiiia pedagogicheskoi mysli Rossii XVIII v. / sost. I. A. Solovkov ; APN SSSR. – М.: Pedagogika, 1985. – 480 s.
4. Khrestomatiia po istorii pedagogiki : v 4 t. / pod obshch. red. S. A. Kameneva. – М.: Uchpedgiz, 1936. T. 4: Istoriia russkoï pedagogiki s drevneishikh vremen do Velikoï proletarskoï revoliutsii. Ch. I. / sost. N. A. Zhelvakov. – М.: Uchpedgiz, 1936. – 525 s.
5. Medynskii, E. N. Istoriia russkoï pedagogiki / E. N. Medynskii. – М., 1936.
6. Pushkin v mirovoi literature : sb. st. / Nauchno-issledovat. in-t sravnitel'nogo izucheniia literatur i iazykov Zapada i Vostoka pri Leningradskom gosudarstvennom universitete. – L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926 // Élektronnaia biblioteka IRLI RAN. – Rezhim dostupa: <http://lib.pushkinskijdom.ru>.
7. Ushinskiĭ, K. D. Izbrannye pedagogicheskie sochineniia / K. D. Ushinskiĭ. – М.: Prosveshchenie, 1968.
8. Semenov, D. D. Izbrannye pedagogicheskie sochineniia / D. D. Semenov. – М.: Izd-vo APN RSFSR, 1953.
9. Demkov, M. I. Istoriia russkoï pedagogii. Ch. III. Novaia russkaia pedagogiia (XIX vek) / M. I. Demkov. – М., 1909.
10. Kapterev, P. F. Istoriia russkoï pedagogii / Kapterev. – М., 1915.
11. Опыт антропологии в науке о воспитании // Клуб «Точка отрыва» : сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.otryvclub.ru/sys/opyt_antropologii_v_nauke_o_vospitanii.html.

Интернет-журнал
«Проблемы современного образования»
2014, № 2